

А. А. Овсянников
Идейно-теоретическое наследие
соратников В. И. Ленина¹

Л. Д. Троцкий... Трудно найти в истории другого политического и общественного деятеля, который оказался бы объектом таких фальсификаций, как при жизни, так и после смерти. Долгие годы его имя буквально выскребалось из отечественной историографии. С 20-х годов Троцкий находился под огнем критики, позже — оскорблений и унижений, а в конце концов — общественного ostracism. С троцкизмом и его лидером связывались тяжелейшие преступления режима, возлагалась ответственность за все провалы политики, экономики, нравственности. Античеловеческие акты сталинизма — коллективизацию, жертвы форсированной индустриализации опять-таки вели от Троцкого. Парадокс, но в стремлении отыскать истину многие авторы перестроечной публицистики, по сути, вели реабилитацию Сталина, делая его заложником троцкистских идей и методов.

Не повезло Троцкому и в постперестроечной историографии, разрастающейся на наших глазах. История, что общеизвестно, сильнее всего страдает от двух пороков: конъюнктурности и моды. И если первый — во многом зависит от самих ученых, второй коренится в общественном восприятии. Так сложилось, что беспрецедентный интерес советских людей к истории в конце 80-х годов оказался повязан конъюнктурными подходами, идущими от традиций, стиля, степени профессионализма исследователей. Дилетантизм, выплеснувшийся на страницы периодики, книги и статьи бывших диссидентов, несостоявшихся партийных и советских функционеров, поверхностных историков, с легкостью берущихся судить любую эпоху, привели к скорому разочарованию людей, изголодавшихся по объективной правде. В литературе, опубликованной за годы перестройки, Троцкий по-прежнему остался мрачной кровавой личностью для одних, отступником от ленинизма для других, международным террористом, экспортировавшим революцию, для третьих. В общем, большинству исследователей так и не удалось избавиться от старых стереотипов.

Громко заявленное «новое мышление» в историографии лет перестройки оказалось много скромнее по результатам. Одним из его парадоксов стало некритическое и однобокое восприятие зарубежной историографии. Казалось бы, недавнее прошлое советской исторической науки создало базу для сопоставления накопленного фактического материала, проверки выводов. Однако случилось то, что составляет суть стиля мышления многих наших современников, пишущих на исторические темы. Единодушное одобрение сменилось столь же единодушным

¹ Овсянников А. А. Идейно-теоретическое наследие соратников В. И. Ленина // Овсянников А. А. Идейно-теоретическое наследие лидеров большевизма. М. : Университетский гуманитарный лицей, 1997. С. 117—142.

отрицанием прошлых концепций. Естественно, часть авторов это единодушие нарушает, но и они, оставаясь в меньшинстве, подтверждают общий принцип: два лагеря исследователей и публицистов не приемлют друг друга. Само же меньшинство, слегка модернизировав прошлый багаж знаний, не может или не хочет замечать противоречий и слабостей литературы прошлых лет. Встает вопрос: способна ли современная отечественная наука выйти за существующие рамки господствующих направлений? Вопрос, непосредственно связанный с другим: произошло ли качественное приращение знания по данным проблемам в новейшую эпоху?

Даже беглый взгляд на литературу и публикации источников, вышедшие со второй половины 80-х годов, дает однозначный ответ: да, источниковая база науки расширилась, и существенно. Следствием стал своеобразный переворот, если не сказать кризис, в сознании части людей. Но подборки документов, труды современников первых послереволюционных десятилетий множили вопросы, на которые ждали ответа от профессионалов-историков. Профессионалы же оказались не на высоте требований дня. Они выбрали простейший путь — перелицовку на советский лад зарубежной историографии и выдвигание умозрительных альтернатив, по принципу: «Что было бы, когда бы?..»

Непросто развивается отечественное троцковедение и в плане освоения его богатого идейно-теоретического наследия, и в плане изучения деятельности Троцкого, особенно в 1929—1940 гг.

В свете сказанного крайне сложной и запутанной представляется проблема троцкистской оппозиции и ее деятельности внутри и вне СССР. И на этом направлении историческая мысль с началом перестройки уверенно двинулась к апологии Троцкого и троцкизма, с одной стороны, и продолжению фальсификаций — с другой.

В целом интерес историков к Троцкому с конца 80-х годов подпитывался вниманием к проблемам сталинизма, репрессий и реабилитации жертв открытых московских процессов 30-х годов.

В течение 1990—1991 гг. вышли в свет почти все главные работы Троцкого. Казалось бы, открылись возможности объективного изучения. Но вновь историческая мысль делает «иждивенческий» поворот. Обратив взоры на Запад, отечественные историки заимствуют главные составляющие своей концепции у наиболее известного троцковеда — И. Дойчера. Несомненно, его трехтомное исследование — биография Троцкого — наиболее заметное явление апологетического направления послевоенного троцковедения. Однако книги Дойчера, написанные несколько десятилетий назад, нуждаются в серьезном анализе, учете новейших достижений исторической науки.

Ведь нельзя всерьез отнести к «осмыслению» послесловия к русскому изданию книги Дойчера «Троцкий в изгнании», принадлежащего перу Н. А. Васецкого. Отдавая должное Васецкому как составителю первой крупной публикации работ Троцкого в СССР, нельзя не отметить вульгарность многих его выводов, попытки соединить несовместимое: правду об оппозиции и ложь фальсификаций. Только испытывая ненависть к оппозиции, игнорируя прошлое и окружающую Васецкого действительность, можно было писать о «довольно зажиточном образе жизни» Троцкого в изгнании, что московские судилища осуждались Троцким «лишь потому, что в материалах процессов фигурировало и его имя», и т.п.

Внешне противоположные позиции занимал Д. А. Волкогонов. Его наиболее известные книги о Ленине, Сталине и Троцком стали заметным историографическим событием. Но именно в них воплотилась тенденция поменять полярность взглядов, позаимствовав западную концепцию, методологию и даже фактуру. Они рельефно показывают и достижения, и болезни исторической литературы новейшего времени.

Обратимся, например, к его двухтомнику «Троцкий. Политический портрет». К несомненным достоинствам книги относится стремление автора ввести в научный оборот новые источники и материалы. В этом отношении, на уровне заявки, монография идет дальше зарубежных и отечественных предшественников. Реальный эффект оказался несравненно ниже. На наш взгляд, творческий стиль Волкогонова характеризовал все то же отношение к архивному материалу как средству подтвердить мысль. Проще: есть мысль — ищем архивное подтверждение. А поскольку идеи уже высказаны зарубежными авторами — И. Дойчером, Р. Такером, А. Уламом — книги Волкогонова представляются вторичным, давно отраженным в историографии «новым взглядом».

Таким образом, несмотря на авторитет автора, его многочисленные заявления о знании неизвестных архивных документов, получается разговор полупрофессионала с непрофессиональной аудиторией. Резкое снижение шума вокруг имен Троцкого и Сталина, недостаточное знание читателем работ англо-американских авторов — вот, что действительно сделало книги Волкогонова событием в отечественной историографии.

Пренебрежение к источникам привело к появлению в книге многочисленных неточностей и ошибок. Достаточно указать на неоднократные случаи цитирования двух-трех строчек документа из американского архива Троцкого и ссылки при этом на двадцать-тридцать единиц хранения одновременно! Подобный дилетантизм, непростительный для профессионала, ставит под сомнение многие положения автора.

Есть и еще одна черта современной отечественной историографии — недоучет совокупности всех точек зрения. Вне поля зрения российских историков оказался интереснейший пласт современных зарубежных исторических исследований. Речь идет о работах Дж. А. Гетти, У. Чейза, П. Брюэ. Отличен их подход — отсутствие априорной презумпции невиновности в отношении лидеров оппозиций при рассмотрении их деятельности в 30-е годы. Не реабилитация организаторов репрессий в духе сталинской и постсталинской литературы, а попытка найти место фактам и событиям, не укладывающимся в схему тотальной фальсификации всего и вся.

В отечественных публикациях нашего времени подобный подход практически отсутствует. Так, даже осторожные попытки объективного или альтернативного взгляда на элемент политики репрессий — статистику жертв режима в статьях В. Земскова и Н. Дугина тут же вызвали малоубедительные и грубые с позиций научной этики и профессионализма выступления писателей-публицистов, претендующих на звание историков, — Л. Разгона и А. Антонова-Овсеенко. Фактически исследования историков остались на уровне книг Р. А. Медведева 60—70-х годов, покоящихся на некоторых взглядах англо-американской историографии и подкрепленных не менее традиционными источниками.

Большие ожидания вызвала работа в середине — конце 80-х годов комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями. Пресса писала о компетентности комиссии, тщательности в ее деятельности. Итоги работы, с которыми знакомил журнал «Известия ЦК КПСС», оказались весьма скромными. «За кадром» осталась методика изучения, а приведенные результаты продолжали оставлять вопросы, серьезные подозрения в конъюнктурности выводов. Среди них вопрос: что стояло за обвинительными заключениями, кроме грубых фальсификаций, какова действительная роль обвиняемых, включая заочно осужденных Л. Троцкого и Л. Седова. Эти проблемы, необычайно сложные и неоднозначные, остались без разрешения. Их обходят авторы современной литературы.

Что касается отечественной историографии последних лет, следует подчеркнуть, что волна конъюнктурных исследований начала спадать. Наступает время поиска адекватных ответов на непростые вопросы, связанные с биографией Троцкого, его друзей, соратников. Однако общественный интерес к комплексу данных проблем резко убывает: мода на историю прошла. Тем не менее во всем этом имеется существенное преимущество: наконец-то можно попытаться спокойно, без излишних эмоций привести в систему разрозненные и противоречивые факты жизни Троцкого, оценить их, найти место правде и вымыслу, реальности и легендам.

В отечественной исторической литературе Троцкого обычно сравнивали с другими лидерами социал-демократии и большевизма, привычно противопоставляя его Ленину. Такая традиция уходит корнями в далекое партийное прошлое. В подтверждение сошлемся на слова М. С. Урицкого (май 1917 г.): «Вот пришла великая революция и чувствуется, что как ни умен Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого»². Появление такой традиции вполне объяснимо. Ленин и Троцкий были незаурядные самостоятельные фигуры в российском социал-демократическом движении. Они являлись, как казалось, непримиримыми противниками. Но, в отличие от других оппонентов из разных политических лагерей, пути Ленина и Троцкого с 1917 г. стали общими. Есть и еще ряд важных обстоятельств. Оба деятеля считались лидерами течений в РСДРП, особенно после Революции 1905—1907 гг. Другие руководители социал-демократии, за исключением, пожалуй, Плеханова, не были столь крупными личностями. Церетели, Чхеидзе, Мартов — каждый из них фигура по-своему примечательная, но с Лениным или Троцким несопоставимая.

В историко-партийной публицистике сравнивались все главные составляющие деятельности Ленина и Троцкого, в том числе их дар аналитиков. Поэтому, рассматривая исторические и политологические сочинения Троцкого, от параллельного изучения их с ленинскими трудами не уйти и нам. «Виновата» здесь и творческая манера Троцкого: в центре огромного количества его произведений — Ленин, ленинская методология и методика изучения, феномен ленинизма.

Серьезно историческая концепция и взгляды Троцкого в советской литературе не исследовались. Если в отечественном лениноведении имеются как

² Луначарский А. В. Великий перелом. Октябрьская революция. Петербург : З. И. Гржебин, 1919. Ч. 1. С. 78.

полнокровные направления, апологетическое, нигилистическое и конформистское (подробнее о них сказано в разделе о Ленине), то в троцковедении до середины 80-х годов все исследования лишь нигилистически разоблачали троцкизм. Вторая половина 80-х годов ситуацию изменила, но не глубоко. Перестройка и новое мышление, сняв запреты со многих прежде закрытых тем, в отношении Троцкого породили книги и статьи конформистского толка. Даже в работах рубежа 80—90-х годов продолжали повторяться и, что самое поразительное, обосновываться прежние легенды. Например, о стремлении Троцкого — бывшего соратника и помощника Ленина опорочить имя вождя. Так, в сборнике «К истории русской революции», вышедшем в 1990 г., его составитель Васецкий в примечании, посвященном знаменитому ленинскому лозунгу «экспроприация экспроприаторов», пишет, что действительный автор «призыва» — В. А. Карпинский, а «отнюдь не Ленин, как это утверждал Троцкий»³. Насколько такое «открытие» несерьезно, видно из следующей цитаты: «Обобществление производства не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к “экспроприации экспроприаторов”»⁴. Она взята нами из знаменитой статьи Ленина «Карл Маркс», написанной в 1914 г.

Необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство. Антитроцкистская литература 20-х — начала 30-х годов сплошь и рядом оказывается на порядок выше уровня позднейших исследований.

Гораздо богаче троцковедческие исследования представлены в зарубежной историографии. Здесь нет возможности подробно остановиться на ней. Подчеркнем главное: она разнообразнее отечественной, ее содержание простирается от апологии Троцкого и троцкизма до его полного неприятия. А в силу того факта, что значительные архивные материалы сосредоточены на Западе и в США, а соответствующие фонды наших архивов практически не изучались, иностранная литература интереснее и в смысле источниковой базы. За рубежом издана самая полная библиография трудов Троцкого⁵. На английском и ряде других языков опубликовано большое количество его работ⁶. Это свидетельствует о повышенном внимании к Троцкому историков всего мира, для которых его труды выступают в числе главных методологических и документальных источников.

Следует подчеркнуть, что отечественная историческая наука испытывала сильное воздействие взглядов и оценок Троцкого. Остались в ходу даже некоторые имена-прозвища, термины типа «всероссийский староста» М. И. Калинин, «ножницы цен» и т.д. Естественно, авторство их давно забыто. Также безадресно многие годы велись споры с отдельными положениями троцкистских концепций, что, впрочем, в равной мере относится к другим репрессированным руководителям партии и государства. В числе дискуссионных находились и исторические проблемы. Ведь независимо от политических и вкусовых пристрастий, особенно в 20-х — начале 30-х годов, невозможно было скрыть, что именно Троцкий одним

³ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М. : Политиздат, 1990. С. 425.

⁴ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Госполитиздат, 1969. Т. 26. С. 73.

⁵ Sinclair Luis. Trotsky: A Bibliography. Scholar Press, 1989. Vol. 1, 2.

⁶ Справедливости ради укажем, что среди них значительная часть никогда не печаталась на русском языке.

из первых поднял научные проблемы истории революции, внутривнутрипартийной борьбы и т.д. Причем, в отличие от Ленина и других большевистских теоретиков, он попытался взглянуть на многие вопросы глазами историка. Поэтому в данной главе при характеристике составляющих идейно-теоретического наследия Троцкого мы будем акцентировать наше внимание на главных чертах его концепции истории.

Надо сказать, что на роль исследователей-историков претендовали практически все главные большевистские вожди. В очерке о Ленине мы отметили, что он (Ленин) был, пожалуй, единственным исключением. Остальные примеряли мантию профессоров от истории. Тон задавали Зиновьев и Каменев. Со временем к ним подключились остальные. В конце концов дело дошло до комедийного фарса с кратким курсом «Истории ВКП (б)», который издатели сочинений Сталина задним числом чуть было не зачислили ему в авторскую работу, вознамерившись включить сей коллективный труд в собрание сталинских сочинений. Увлечение историей не прошло и мимо Троцкого. В этом смысле тема «Троцкий-историк» вполне правомерна. Добавим еще один принципиальный момент: «исследования» подавляющего большинства официальных партийных историков, как правило, настолько неоригинальны из-за шаблонности приемов, выводов, оценок, что индивидуальный подход к ним просто малоинтересен.

Такого не скажешь о произведениях Троцкого. Его история являлась контрверсией официозу, была самостоятельным явлением в отечественной историографии 20—30-х годов. Не побоимся высказать суждение, что работы Троцкого являются лучшими и наиболее самобытными исследованиями, вышедшими из-под пера партийных историков.

Первое, с чем встречается читатель, — отличный язык и стиль. В потоке скучных или сухих книг и статей Сталина, Зиновьева, Ярославского и многих других произведения Троцкого выделялись именно литературностью. В их авторе, несомненно, жил талант незаурядного писателя. Многие его работы, даже с заведомо нелитературными сюжетами, «проглатываются» как хорошо сработанная беллетристика.

Стиль Троцкого, бесспорно, одна из причин популярности его произведений. Нужно особо отметить ярко выраженный личностный характер авторской манеры. С 20-х годов Троцкого «били» за отсутствие «большевистской скромности». Действительно, в его работах редко встретишь неопределенно-личное «мы». О себе и от себя он почти всегда писал в первом лице. Конечно, элементы самолюбования, склонность к провидческим обобщениям густо рассыпаны в произведениях Троцкого. Эта манера может не нравиться, вызывать неприятие, но она откровеннее и прямее, чем показушная скромность антитроцкистов.

Диссонансом смотрелась и другая особенность его публицистики: сквозящее в ней отрицание раболепства перед авторитетами. Сказанное не значит, что для Троцкого их не существовало. Например, об обратном свидетельствует комплекс работ о Ленине. Ленинский авторитет, особенно после 1917 г., являлся для него непререкаемым. Но в трудах и выступлениях Троцкого современники слишком часто не находили столь заметной «творческой» манеры его оппонентов: каждую, даже по-детски пустяковую мысль подтверждать ссылкой на классиков марксизма, особенно Ленина.

В связи с этим вспоминаются отчаянные слова Зиновьева на XIV съезде ВКП (б), звучащие злой самоиронией: «В последнее время, товарищи, многие толкуют так, что не надо, мол, слишком много цитировать Владимира Ильича, что так начетчики только делают, что это “ветхий завет” у нас и т.д. Так иногда говорят. И говорят еще так: зачем цитировать Ленина, у него можно найти что угодно, как у дядюшки Якова товару всякого»⁷. Зиновьев-оппозиционер попал в им же составленную сеть: обожествление Ленина, доведение любого ленинского слова до истины в конечной инстанции. То есть Зиновьев сам пострадал от обожествления Ленина, за отсутствие которого раньше осуждал Троцкого.

Итак, поставим задачу — посмотреть на Троцкого, его произведения как работы теоретика-обществоведа и историка. Тут же оговоримся. Речь пойдет о Троцком в ракурсе его места в историографии. Нами сознательно не выделяется отдельной проблемой влияние на историческую концепцию Троцкого различных школ и научных направлений. Во-первых, это специальная и большая тема. Во-вторых, на ней останавливались, пусть не очень подробно, историки с конца 20-х годов. Много места ей уделял Покровский⁸. Если отбросить заидеологизированную шелуху некоторых суждений последнего, восходящую к внутрипартийным разногласиям, он в целом верно отметил влияние на Троцкого взглядов историков юридической школы и П. Н. Милюкова. А поскольку любой историк формируется под воздействием предшествующей историографии, то вряд ли стоит данное обстоятельство драматизировать. Достаточно того, что анализ Троцкого, участника и руководителя описываемых им событий, помноженный на отличную от официальной трактовку, — вполне определяет его самостоятельное место в истории науки.

Историческая концепция Троцкого, подчеркнем это, не представляла собой нечто совершенно новое и оригинальное и в доктринальном смысле. В ее основе находились те же символы веры, которые лежали в фундаменте аналитического стиля российских социал-демократов. Как большинство из них, Троцкий заплатил дань народнической традиции и народнической литературе. Но его знакомство с ней оказалось отлично от первых народнических иллюзий революционеров, родившихся на 10—15 лет раньше.

Троцкий проявил интерес к идейной борьбе в 1896 г.⁹ И хотя первая его статья была написана для народнического журнала, увлечение оказалось сугубо поверхностным. Тем не менее с точки зрения формирования социологической концепции данный факт определенно интересен. Троцкий упустил, по его словам, три-четыре года, но это были непростые годы. Ленин, не говоря уже о Плеханове, стали сторонниками марксизма через преодоление сильнейшей внутренней инерции народнической идеологии, в то время как Троцкий оказался перед свершившимся фактом — марксизм являлся доминирующим течением в среде оппозиционной молодежи.

Отличался и путь Троцкого к марксизму. Большинство социал-демократов старшего поколения были народниками. Ленин, застав закат народничества,

⁷ XIV съезд ВКП (б). Бюллетени. М., 1925. № 3. С. 9.

⁸ Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 1—2. М.-Л., 1933.

⁹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1990. Т. 1. С. 118.

примкнул к нему в силу семейных обстоятельств, знал его не через газетную информацию, а от брата и сестры. Нетрудно увидеть связь между идеологией народничества и отношением к крестьянству и интеллигенции у Ленина и Плеханова.

Иное дело Троцкий. К марксизму он шел не от народничества. Его увлекали западнические идеи масонства. Он даже всерьез подумывал заняться его историей. К марксизму же Троцкого притягивала критическая направленность учения. В свою очередь, критицизм был чертой характера Троцкого. В критике он заходил достаточно далеко, подвергая сомнению не только частности, но даже саму ценность марксистской доктрины. Если заняться сравнениями, то отметим общеизвестное: ортодоксальным большевикам теория Маркса представлялась вневременной ценностью. Подобное отношение к марксизму является доминантой в ленинской методологии истории.

Троцкий, напротив, часто бывал не столь категоричен. Он говорил, что «наступит время, когда люди перестанут искать в “Капитале” Маркса поучений для своей практической деятельности, и “Капитал” станет только историческим документом»¹⁰. Трудно вообразить, как нечто подобное произносит Ленин. Перу Троцкого принадлежат и такие слова: «...форма лучших, то есть как раз наиболее ярко полемических, произведений Плеханова устарела, как устарела форма энгельсовского “Антидюринга”»¹¹. И дело тут не в случайной оговорке, а в системе взглядов. «Ревизия марксизма, шедшая по всем направлениям, помогла мне, как и многим другим молодым революционерам, собраться с мыслями и острее отточить свое оружие», — писал Троцкий в автобиографии¹². Такое восприятие ревизионизма трудно обнаружить у правоверных большевиков-ленинцев.

Тем не менее историческая доктрина Троцкого оставалась в русле марксизма до последних дней его жизни. Категории классов и классовой борьбы, общественно-экономических формаций брались им за непререкаемые истины. В революциях он, вслед за Марксом и Энгельсом, видел «локомотивы истории», а служение социалистической революции считал целью своей жизни. Что касается исторической миссии пролетариата, то тут Троцкий оказывался даже большим идеалистом-радикалом, чем ортодоксы ленинской школы. Пролетариат стоял в центре троцкистской теории перманентной революции.

Здесь уместно сделать небольшое замечание. В антитроцкистской литературе одним из краеугольных камней является низведение Троцкого до уровня рядового плагиатора истинного создателя теории перманентной революции — А. Л. Парвуса. Действительно, Парвус обобщил ряд идей марксовой перманентной революции применительно к собственному видению российских реалий. Но настоящим разработчиком и пропагандистом системы взглядов, вытекавших из этих идей, выводивших их на уровень теории, был Троцкий. Неслучайно в полемической литературе межреволюционного времени (1905—1917 гг.) говорили именно о троцкистской перманентной революции.

¹⁰ Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. М.-Л. : Госиздат, 1925. С. 97.

¹¹ Луначарский А. В., Радек К. Б., Троцкий Л. Д. Силуэты: Политические портреты. М. : Политиздат, 1991. С. 256.

¹² Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 1990. Т. 1. С. 153.

Таким образом, мировоззренческая концепция Троцкого в своих главных частях не несла оригинальных черт. Одновременно степень аккумуляции других научных школ, более подвижные критерии вели его к нестандартным подходам и выводам. Они, особенно с начала 20-х годов, сильно отличались от запрограммированных оценок большевистской публицистики, тон которой задавали труды Ленина. Поэтому дискуссии и острая борьба со взглядами Троцкого не могли не вспыхнуть вновь, даже после его вхождения в круг высших партийных лидеров в 1917 г. Это случилось, как только позволила ситуация. Споры вокруг теоретических и практических вопросов, в ходе которых требовалась апелляция к прошлому, перерастали в столкновения врагов.

Тут не наблюдается чего-либо случайного. Вся полемика с ревизионизмом и оппортунизмом (а в этих «грехах» обвиняли Троцкого) была пропитана у русских марксистов уверенностью в существовании только единственного правильного истолкования теории. Фактически шла борьба за гегемонию одной социологической и философской школы. И не важно, что на словах социал-демократы признавали плюрализм мнений и направлений. На деле они вели войну на дискредитацию друг друга.

При такой постановке вопроса Троцкий, который попытался встать выше споров, не имел серьезных шансов на успех. Он мог лишь приспособиться, скорректировать свою концепцию с одним из лагерей (что случилось в период Первой мировой войны и революций 1917 г.). В конце концов он нашел объяснение собственной эволюции в тезисе об идейном перевооружении большевизма.

Троцкий так писал по этому поводу: «С того момента, как большевизм и меньшевизм определились политически и организационно (с 1904 г.), я стоял формально вне обеих фракций, но, как показали три русские революции, моя политическая линия, несмотря на конфликты и полемику, во всем основном совпадала с линией Ленина»¹³. Но неустойчивое равновесие оказалось непрочным, ибо с начала 20-х годов изменился большевизм. Эти подвижки отразились на содержании и судьбе исторических работ Троцкого.

В теоретической концепции Троцкого имелся важный элемент, который не полностью согласовывался с материалистической доктриной Маркса, но который играл особую роль. Речь идет об интуиции, историческом провидении, мессианстве. В историографии данная особенность либо принимается как должное (например, трехтомник И. Дойчера, в заглавии каждого тома которого присутствует слово «пророк»), либо становится объектом саркастической критики¹⁴.

Однако необходимо помнить, что мессианство вполне сочеталось не только с марксизмом (историческая миссия пролетариата, неизбежность смены капитализма коммунизмом и пр.), а являлось стилем эпохи. Своеобразной квинтэссенцией мессианства нам представляются слова Зиновьева о Ленине — «пророке нового общества» и «апостоле коммунизма»¹⁵. Они лежали в

¹³ РЦХИДНИ. Оп. 1. Д. 606. Л. 13.

¹⁴ *Deutscher I. The Prophet Armed. Trotsky. 1879—1921. London, 1954 ; The Prophet Unarmed. Trotsky 1921—1929. London, 1959 ; The Prophet Outcast. Trotsky 1929—1940. London, 1963 ; Вопросы истории КПСС. М., 1989. № 12. С. 98—115.*

¹⁵ Коммунистический интернационал. М., 1925. № 1. С. 15.

русле особого идеологического построения — вождизме, культе вождя, которое признавали лидеры большевизма, включая Ленина и Троцкого, которое подробно охарактеризовано нами в первой главе этой книги¹⁶. Для Троцкого нематериальная категория «интуиция» являлась частью вполне конкретного понятия «исторический опыт». Он применял метод «интуиции» обычно тогда, когда уходил от серьезного анализа или не мог его провести. Так, он доказывал, что в послеоктябрьской России марксистская теория применялась правильно, поскольку «события, в которых мы теперь участвуем, и сами методы этого участия были предвидены в основных своих чертах полтора десятилетия назад (в 1904 — 1905 гг. — А. О.)»¹⁷.

Теперь вернемся к мировоззренческим аспектам исторического анализа в сочинениях Троцкого. Сразу отметим: история занимала его с юношеских лет, а внимание к историческим проблемам стало характерной частью творческой манеры Троцкого — общественного и политического деятеля. Взгляды молодого Троцкого на прошлое и окружавшую его действительность носили явный отпечаток западничества, столь типичный для социал-демократов. В частности, его воззрения вполне совпадали с позицией Плеханова.

Он разделял плехановское понимание основ общественного развития России как «сравнительно примитивного и медленного», связывал его со скудной экономической базой русского общества¹⁸. Неминуемый вопрос, встававший перед сторонником подобного подхода, — что делать с российским капитализмом и марксизмом. Троцкий для себя нашел ответ в интерпретациях взглядов историков и философов западнической ориентации. Вслед за ними он доказывал, что движущей силой российской истории оказалось давление (западных государств), выросших на более высоком экономическом фундаменте¹⁹.

Не претерпев серьезных изменений, эти мысли остались у Троцкого и в зрелом возрасте. Так, успешность большевистской революции в России он объяснял тем, что социал-демократы «импортировали идеи марксизма из других стран и воспользовались чужим революционным опытом», а также тем, что «в течение десятилетий имели в других странах свою эмиграцию»²⁰. Правда, ему пришлось искать выход из явного противоречия, которое породила Октябрьская революция. Неразвитая, в сравнении со странами Запада и США, Россия, по мнению руководителей революционного переворота, на всех парах входила в социализм, открыла эру мировой социалистической революции. Главные идеологи Октября — Ленин и Троцкий — соглашались, что сам факт русской революции объяснялся слабостью страны (так называемое слабое звено). Но запаздывание мирового социалистического пожара и специфику партийной стратегии и тактики они объясняли в близких, но не тождественных тезисах.

¹⁶ Овсянников А. А. Истоки вождизма: Идеология и практика // Формирование командно-административной системы (20—30-е годы) : сб. статей. М., 1992. С. 185—203.

¹⁷ К истории русской революции. С. 83.

¹⁸ Плеханов Г. В. Сочинения. М.-Л., 1923. Т. 20. С. 3—6.

¹⁹ К истории русской революции. С. 84.

²⁰ Бюллетень оппозиции. 1936. № 49. С. 4.

У Ленина парадокс эпохи разрешался в перевертывании причинно-следственной связи: вначале революция, потом — создание ее предпосылок²¹. У Троцкого — в преобладающем верховенстве политики над экономикой: например, говоря в начале 30-х годов о США и перспективах американского марксизма, он подчеркивал «политическую отсталость Соединенных Штатов»²². В обоих случаях выводы противоречили марксизму в его изначальном виде, что, однако, не смущало авторов. Но в периоды острых разногласий с большевиками до Октября и с руководящим партийным большинством в советское время Троцкого не раз обвиняли в отступничестве от марксизма и идеализме его исторической концепции.

Так, острой критике подвергался вывод о природе российского абсолютизма. Троцкий считал, что административное, военное и финансовое могущество абсолютизма существовало наперекор общественному развитию, а усиление централизации государства обеспечивало его самодовлеющее, независимое от общества существование²³.

В историко-философском смысле Троцкий был сторонником теории отмирания государства, но выводил ее не столько из экономики, сколько из политики. По Троцкому, революция вырастает из пропасти, разделяющей русский абсолютизм и нацию. Российское государство он считал порождением слабости и политического ничтожества господствующих классов. Отсутствие равновесия между ними сделало самодержавие «самодовлеющей организацией, стоящей над обществом», что составило отличие России от стран Запада.

Таким образом, Троцкий, не отрицая марксистского постулата о первичности экономики, не распространял его на российскую историю. Мысль о внеклассовом характере Российского государства, конечно, не была его открытием. Она доминировала в историографии того времени. С ней соглашались многие историки и общественные деятели — от Милюкова до Плеханова. Политический характер государства они объясняли внешним военно-оборонительным фактором — татарским нашествием. Подобная интерпретация не удовлетворяла Троцкого. Он подчеркивал, что борьба с крымскими и ногайскими татарами требовала напряжения сил, но «не больше, чем вековая борьба Франции с Англией»²⁴. То есть, сохраняя тезис по существу, Троцкий меняет его ориентацию — с восточной на западную. Экономический детерминизм Маркса он переносит в детерминизм государства: «Западная экономика влияла на русскую через посредство государства».

Анализируя подобным образом исторический материал, Троцкий приходит к важным для него выводам, согласно которым российское самодержавие с 80—90-х годов XIX в. являлось военно-бюрократической организацией, негодной для регулирования капиталистических отношений, вошедшей в противоречие с хозяйственно-культурными потребностями общества²⁵.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 378—382.

²² Бюллетень оппозиции. 1932. № 32. С. 22.

²³ К истории русской революции. С. 91.

²⁴ К истории русской революции. С. 86.

²⁵ Из работ Троцкого видно, что главные исторические факты он черпал из трудов П. Н. Милюкова и В. О. Ключевского.

Не будем рассуждать, насколько исторически точен проделанный анализ. В данном случае это не столь существенно. Важнее другое. Представленная нами теоретическая концепция легла в основу видения Троцким перспектив развития России, стала историческим обоснованием теории перманентной революции, оказала влияние на практическую деятельность ее создателя.

Известно, что в начале XX в. Троцкий оказался одной из ключевых фигур в полемике между социал-демократами. Поэтому небезынтересно посмотреть, как проявлялись в этих вопросах воззрения Троцкого на особенности исторического прошлого России и общественного движения.

Обычно среди составляющих троцкизма в числе первых называют теорию перманентной революции, о которой уже упоминалось выше. Сам Троцкий посвятил ей множество работ, среди них специальное исследование — книгу «Перманентная революция», пожалуй, самое сухое, для восприятия читателя, произведение. Суть теории он определял следующим образом: «Русская революция создает... такие условия, при которых власть может (при победе революции — должна) перейти в руки пролетариата, прежде чем политики буржуазного либерализма получат возможность в полном виде развернуть свой государственный гений»²⁶.

Данная формулировка относится к 1905—1906 гг. В брошюре «Итоги и перспективы» ей предшествовала глава об особенностях исторического развития России. Этими сюжетами Троцкий, по собственному признанию, занялся с целью теоретически и, по его словам, исторически обосновать и оправдать лозунг завоевания власти пролетариатом. Причем данный лозунг противопоставлялся как требованию буржуазно-демократической республики, так и лозунгу демократического правительства пролетариата и крестьянства. Суть идей, сформулированных в период Первой российской революции, находила отражение в послеоктябрьских работах Троцкого, о чем свидетельствует публикация в 20-е годы в приложениях ко 2—4-му изданиям книги «1905» статьи «Об особенностях исторического развития России».

Российская экономическая жизнь, подталкиваемая давлением Запада, культурно-политически оторванное от нации государство и власть, а также марксистская идея о пролетариате — могильщике буржуазии — вот, сведенная до уровня схемы система перманентной революции. В ней, на что обратили внимание сразу, не находилось места крестьянству. Последнее не значит, что Троцкий механически «выбрасывал» или недооценивал крестьянство, как указывал Ленин и особенно его интерпретаторы с середины 20-х годов. В связи с этим интересно подчеркнуть, что в полемическом задоре главные оппоненты — Ленин и Троцкий не хотели замечать сходства своих позиций.

Так, в ленинской статье «О двух линиях революции» (1915 г.) совпадение с троцкистской конструкцией трактуется как путаница. Ленин тогда отметил: «Троцкий не подумал, что, если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, это и будет революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства!»²⁷. С высоты сегодняшнего дня видно, сколь близки их позиции. Ретроспективно оценивая спор,

²⁶ К истории русской революции. С. 95.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 80.

Троцкий в 1918 г. в общем-то верно подметил, что тактика перманентной революции была просто уничтожением границы между минимальной и максимальной программой социал-демократии. Другим свидетельством близости позиций являются теоретические трактовки характера и перспектив социалистической революции другими лидерами большевиков после Октября.

Например, Бухарин писал в начале 1918 г., что победа пролетариата, подержанного деревенской беднотой, не есть начало «органической эпохи», «перманентная революция в России переходит в европейскую революцию пролетариата». Троцкий обратил внимание на бухаринские строки в начале 30-х годов²⁸, когда схлынуло «наводнение так называемой дискуссии против троцизма», в которой «Бухарин был главным и, в сущности, единственным теоретиком всей кампании... резюмировавшей в борьбе против теории перманентной революции»²⁹.

Из вышесказанного следует выраженное в исторической концепции Троцкого признание факта привнесения марксистской теории и философии на российскую почву со стороны. В этом смысле теория перманентной революции была ничем иным, как попыткой совместить марксизм с условиями России. Отсюда сходство концепций у историков, выросших из западнического лагеря, прежде всего Ключевского, Милюкова и Троцкого. В конце концов Милюков, служивший во многих случаях историографическим источником для Троцкого, являлся сторонником весьма схожей идеи: прогресс России протекал по линии вхождения ее в фарватер западноевропейской культуры.

В марксизме Троцкий подчеркивал еще одну важнейшую составляющую — пролетарский интернационализм, без которой его историческая концепция рассыпалась на куски. Интернационализм являлся для него особым символом веры, корни которого следует искать не столько в биографии самого Троцкого, сколько в той части российской ментальности, которая становилась питательной средой западнических идей. В марксизме его российских последователей, среди прочих, привлекала новая ориентация на пролетариат, который, по их мнению, развивался по тем же законам, что и западноевропейский. Что касается крестьянства, то славянофилы и народники-социалисты сумели достаточно убедительно доказать несхожесть российского крестьянства — основной массы населения страны Российской империи — с крестьянством других стран.

Тем не менее влияние народничества сказалось на концепции Троцкого, который вполне разделял созвучные народникам взгляды на отличный от классически европейского путь вхождения России в капитализм. Одновременно он не соглашался с позицией марксистских историков и публицистов, политически группировавшихся вокруг меньшевиков. Меньшевистское понимание роли и места либеральной буржуазии в грядущей революции, а следовательно, обоснование их взглядов Троцкий не принимал. Здесь его видение прошлого, настоящего и будущего опять-таки оказывалось гораздо ближе к большевистскому.

²⁸ Троцкий придавал комментарий к бухаринской интерпретации перманентной революции большое значение, опубликовав его также в книге «Сталинская школа фальсификаций», ссылаясь на него в ряде других работ.

²⁹ Бюллетень оппозиции. 1931. № 23. С. 18—19.

Следует подчеркнуть, что перечисленные особенности относятся к теоретической концепции, а не к практике. В практической плоскости Троцкого и большевиков сведет революция: она, говоря марксистским языком доказательств, явится той практикой, которая отразит действительную близость теоретических посылок.

Итак, теория перманентной революции выросла из исторической концепции Троцкого. В историографии, преимущественно советской, данная теория обычно считалась сердцевинной троцкизма. До настоящего времени дискуссионными представляются и сам термин «троцкизм», и его реальное содержание. На этой проблеме нужно остановиться, хотя бы кратко. Необходимо, поскольку критика и борьба со взглядами Троцкого существенно отразилась на эволюции его концепции истории, проблематике и направленности анализа.

Вначале несколько слов о термине. Его создателем, как отмечал Троцкий, являлся Миллюков. Первоначально под троцкизмом понимали особую позицию Троцкого, стоявшего вне фракций и группировок в РСДРП. В целом его воззрения были левыми. Парадокс исторической аберрации состоял в причислении левого уклона Троцкого к меньшевизму, занимавшему правый фланг социал-демократии. Причин описываемого явления несколько: солидарность с меньшевистской позицией на II съезде РСДРП, и особенно после съезда, совпадение многих черт исторической концепции, не признававшей за крестьянством сколько-нибудь значительной прогрессивной роли в грядущей революции. Но главная причина — неприятие организационных принципов большевизма.

Во взаимной критике противоборствующие стороны не скупались на «комплименты». В 1904 г. Троцкий назвал ленинские принципы режимом казармы, а метод научного исследования Ленина сравнил с «половой тряпкой», которую он использует «когда нужно затереть свои следы», белым экраном, если «нужно демонстрировать свое величие», складным аршином, если «нужно предъявить свою партийную совесть!»³⁰

В 20-е годы, когда большинство тогдашнего партийного руководства решило отторгнуть Троцкого от своих рядов, используя его прежний меньшевизм, актуальность приобрел вопрос о троцкистских теоретических воззрениях. Козырной картой антитроцкисты взяли самое очевидное. Дело в том, что в своих выступлениях, в печати Троцкий неоднократно подчеркивал «безусловную правильность» собственных оценок движущих сил революции³¹.

Для подобных слов он имел пусть крайне субъективный, но весомый аргумент: с 1917 по 1923 г. о троцкизме не было речи ни у Ленина, ни у других партийных вождей. Зато сколько угодно говорилось о мировой перманентной революции. Троцкий объяснял подобный феномен идейным перевооружением большевизма в 1917 г.

Для доказательства данного тезиса ему пришлось обратиться к истории 1917 г. и оказаться автором первого не санкционированного свыше исследования, созданного ведущим участником революции о событиях февраля — октября 1917 г.

³⁰ К истории русской революции. С. 77.

³¹ За Ленинизм. М.-Л. : Госиздат, 1925. С. 488.

Формальным поводом послужила подготовка 1-й части 3-го тома сочинений Троцкого, который открывался обширным предисловием — знаменитыми «Уроками Октября». Лейтмотивом работы стала мысль, ранее сформулированная в брошюре «Новый курс»: «Что касается теории перманентной революции, то я решительно не вижу оснований отказываться от того, что писал по этому поводу в 1904—1906 гг. и позже. Я и сейчас считаю, что основной ход мыслей, развивающихся мною, несравненно ближе к действительной сущности ленинизма... Таким образом, идея перманентной революции полностью и целиком совпадает с основной стратегической линией большевизма. Этого можно было не видеть 18—15 лет тому назад. Но этого нельзя не понять и не признать теперь...»³².

(Продолжение следует)

³² К истории русской революции. С. 193—194.